

КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ, РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ, РЕГИОНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.Д. Воскресенский¹

1. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений: постановка проблемы

Из всего многообразия теоретических подходов к исследованиям международных отношений одним из наиболее продуктивных «макроподходов» при анализе региональных измерений, как выяснилось за последние пятнадцать — двадцать лет интенсивных исследований в этой области, является системный, так как он является комплексным, т.е. как бы «вбирает» в себя многое из того, что по отдельности реализуется в других подходах, но главное — позволяет теоретически выделять региональный уровень и региональные подсистемы (собственно «региональные подсистемы» и «региональные комплексы») в качестве самостоятельных аналитических объектов исследования. Кроме того, этот подход позволяет решать наряду с теоретическими и вполне практические, прикладные задачи: вычленять и сравнивать ключевые макрорегионы мира и уже на региональном уровне анализировать, как модифицируются общие (глобальные) закономерности применительно к более крупным, чем страны, макрорегиональным и региональным географическим/историческим/историко-культурным/цивилизационным образованиям, региональным организациям разного типа, собственно странам, трансгранич-

ным регионам, а также применительно к внутристрановым регионам. Вычленение регионального уровня анализа как теоретическая и практическая проблема одновременно позволяет более адекватно и корректно подойти к проблематике страновой специфики, так как ставит ее в контекст региональных (т.е. модифицированных применительно к конкретной группе, связанных определенными общими основаниями объектов) закономерностей, а не интуитивных неформализованных историсофских умозаключений страноведческого характера.

Вопросы о региональных и субрегиональных подсистемах, связанные с новейшими трендами современных международных отношений: глобализацией, регионализацией и фрагментацией, как и само понятие региона и в связи с этим конкретное региональное членение мира, являются дискуссионными в мировых общественных науках. Однако от результатов этой дискуссии в конечном счете зависит, какой мир мы увидим в самом близком будущем, так как проблематика регионального уровня непосредственно связана с практикой международных отношений и дипломатии.

Когда мир анализировался в категориях биполярного взаимодействия или в категориях взаимодействия двух центров и двух типов периферий, подчиненный характер проблематики региональных и

субрегиональных подсистем не вызывал сомнений, поскольку объяснялся логикой глобальной системной проблематики биполярного противостояния. После распада биполярной структуры отношений ситуация усложнилась и возникло много вопросов, на которые пока нет однозначного ответа: если биполярная система исчезла, а ей на смену пришел полицентричный мир, то корректно ли утверждать, что мир распался на относительно компактные территориально-экономические регионы и субрегионы, «соответствующие» тому или иному центру международной системы, а значит, нет и не будет общих/глобальных закономерностей, а есть только сочетание мегарегионального и субрегионального уровней взаимодействия? Или мы можем говорить о принципиально новом качестве влияния региональных процессов на глобальный уровень отношений? Каковы могут быть критерии членения мирового пространства в этих новых условиях и нуждаемся ли мы в этом? Возникают в этой связи и более конкретные вопросы: как методологически корректно определить границы между регионом (и региональной подсистемой) и субрегионами (субрегиональными подсистемами)? Каковы взаимоотношения между макрорегионами (Азиатско-Тихоокеанским регионом и Восточной, Южной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азией, к примеру, или внутри панамериканской подсистемы отношений между латиноамериканским и североамериканским региональными комплексами) не в географическом смысле, а с точки зрения образования подсистемных региональных и субрегиональных взаимосвязей и противостояний? Каковы принципы и пределы «расширения» макрорегионов, ЕС или «Большой Восточной Азии», «Большого Ближнего Востока», «Большой Центральной Азии», к примеру? Совпадают ли границы макрорегионов и региональных подсистем? Как соотносятся концептуально

и географически «региональные подсистемы» и «цивилизационные миры»? Каково соотношение между глобализацией и регионализацией и не является ли процесс регионализации отражением того факта, что планетарная международная система распалась на макрорегиональные подсистемы со сложным взаимодействием между собой, каждая из которых является фактически независимой системой? Или же все-таки лишь подсистемой, т.е. «просто» существуют модификации общих закономерностей, связанные с политико-географической, историко-экономической и культурно-цивилизационной спецификой?

В этой связи последнее десятилетие актуальным становится вопрос: не способствует ли регионализация фрагментации (выпадение ряда стран и регионов из мирового процесса взаимосвязей — самый яркий пример — так называемые «неудавшиеся государства» (*failed states*) и депрессивные регионы) или фрагментация есть побочный продукт и теневая сторона глобализации и регионализации? Большинство из сформулированных выше вопросов вызывает сегодня оживленную дискуссию, поскольку тенденции макрорегионализации находятся в стадии становления, а обсуждаемые вопросы имеют как теоретическое, так и прикладное значение. Ясно, однако, что системный подход в сочетании с другими подходами в принципе дает исследователю богатый теоретический и методологический инструментарий для поиска адекватных ответов на эти вопросы.

Системный подход становится достоянием науки о международных отношениях с середины 1950-х гг. Очевидно также, что многие из положений теории международных отношений, которые относятся к системному подходу, разрабатывались и раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая

система рассматривалась в виде определенной системной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики. Одновременно исследователи определили, что международные отношения имеют свою специфику: прежде всего по своему характеру они являются социальными отношениями, а значит, международные системы и подсистемы относятся к типу социальных систем. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в таких системах сложно провести четкую границу, а соответственно, и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят условный характер. То есть подсистемы (к примеру, ЕС или Азиатско-Тихоокеанский регион) хотя и отличаются характером своих отношений со средой, однако не только существуют в реальности, но и имеют некоторые пространственные границы, хотя часто эти границы меняются, накладываются друг на друга, носят условный характер. Это в той или иной степени верно для всех региональных международных (под)систем. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные, в реальности очень сложные комплексные связи между существующими социальными общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системно-пространственной организации.

Еще одна особенность международной системы отношений и составляющих ее региональных подсистем связана с тем, что их основные элементы представлены социальными общностями (включая отдельные индивиды), т.е. они

являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов. Третья особенность связана с тем, что международные отношения являются по преимуществу политическими отношениями, главным звеном которых являются межгосударственные отношения. То есть даже при увеличении количества акторов отношения между ними и государством в основном продолжают носить политический характер, а по степени влияния на стратегические вопросы государство остается вне конкуренции по сравнению с другими акторами.

В общественных науках существуют разные конкретные подходы к международным отношениям как системе (в этом смысле мы и говорили о том, что системный подход как бы «вбирает» в себя основное содержание того, что по-разному может интерпретироваться в других подходах), из которых наиболее известными являются традиционно-исторический (международная система — это дипломатические отношения между государствами в тот или иной исторический период), историко-социологический (с идеей социальной детерминированности конкретной исторической системы международных отношений), структурно-исторический (выделяются исторические системы международных отношений, основанные на различиях структуры), эмпирико-региональный или, в другой терминологии, социоестественный (определенные географические регионы, как системы (подсистемы) в рамках международных, экономических, политических и др. отношений), структурно-дипломатический (система — это понимание, предположения, усвоенные навыки, виды реакции, правила, нормы и процедуры, приобретаемые и используемые акторами при осуществлении их различных индивидуальных целей в рамках совместной практической деятельности) и реалистический (различные модели

баланса сил или баланса мощи, т.е. международной системы без политических подсистем, с двумя-пятью участниками, а также определенными правилами, по которым играют эти участники). Общим и/или наиболее важным во всех этих подходах является вычленение общей (глобальной) системы международных отношений, т.е. некоей самодостаточной системной целостности, позволяющей описывать и анализировать международные отношения вообще.

В 1990-е гг. некоторые теоретики международных отношений в полный голос заговорили о настоятельной необходимости разграничить общие и частные проблемы систем международных отношений и выделить региональный уровень международных отношений как самостоятельный уровень анализа. Связано это было с нарастанием тенденций к глобализации, с одной стороны, и регионализации и фрагментации, с другой. То есть теоретики международных отношений заговорили о том, что ряд международных взаимодействий, помимо взаимодействий глобального уровня, обладает определенной автономией, нуждающейся в объяснении и концептуализации. Они обратили внимание на то, что существуют частные закономерности, связанные со спецификой (прежде всего географической, территориально-экономической, цивилизационной, культурной, этнопсихологической, этноконфессиональной и т.д.) функционирования частей международной системы, т.е. подсистем международных отношений. Эти более узкие (частные) закономерности описывают функционирование региональных и субрегиональных подсистем, т.е. совокупности специфических международных взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая и культурно-цивилизационная, т.е. пространственная (в широком смысле), принадлежность. При этом тенденции последних десятилетий позволяют утверждать, что:

— в настоящее время складывается принципиально новое качество влияния региональных процессов на глобальный уровень международных отношений;

— глобальная повестка дня переформатируется и актуализируется по-разному в разных региональных подсистемах;

— региональные процессы (региональное понимание мировых процессов) могут выдаваться за глобальные или альтернативные глобальным; региональные процессы могут оказывать влияние или переформатировать глобальные;

— иерархия глобальных проблем и угроз разная в различных региональных подсистемах;

— различные элементы региональной подсистемы или разные комбинации акторов регионального уровня по-разному влияют на глобальный уровень: они могут поддерживать и усиливать глобальный порядок, способствовать его радикальному слому и ниспровержению или эволюционной трансформации в новое качество;

— относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) позволяет ставить вопрос о корректировке существующих теоретических подходов к международным отношениям, «достройке» общей теории с учетом регионального уровня или же (более радикальное предложение) построении «незападной» (корректнее — незападноцентричной) теории международных отношений в соответствии со спецификой крупнейших сегментов макрорегионального уровня (макрорегиональных комплексов);

— относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) «реабилитирует» категорию пространства в международном политико-экономическом анализе и приводит к образованию субдисциплинарных полей «на стыках» международных отношений/мировой политики и политологии (мировое/зарубежное срав-

нительное/комплексное регионоведение, сравнительный макрорегиональный политический анализ/кроссрегиональный политический анализ, региональная политология, политическая регионалистика, политическая география, геополитика), в которых категория пространства становится центральной или играет стержневую роль;

— в последние десятилетия происходит трансформация глобальной системы международных отношений, в которой существенное влияние играют процессы перераспределения регионального влияния и региональной мощи, новые конфигурации макрорегиональных союзов и блоков, которые, в конечном счете, определяют конфигурацию нового регионального порядка второй четверти XXI в. и характер системы глобального управления.

— сегодняшние дебаты по вопросам идейно-философских основ современного мирового порядка напрямую связаны с проблематикой регионального уровня (подъем новых мировых держав незападного мира, подъем Азии, дискуссия о роли Запада и месте Востока, «реинтерпретация» основ западной цивилизации, последствиях перераспределения влияния между регионами мира, западном мировом порядке и западной теории объяснения этого порядка, роли исламского, китайского факторов в мировой политике, роли стран БРИК и т.д.);

— неверный или неадекватный анализ мировых глобальных и региональных тенденций и проектов, приблизительное понимание алгоритма взаимодействия глобального и регионального уровня отношений, их взаимовлияний, неумение адекватно концептуализировать настроенную в соответствии с глобальными закономерностями, но удачно адаптированную к региональной специфике конкурентную региональную модель модернизации и развития увеличивает цену внешнеполитической ошибки, ускоряет отставание стран и регионов,

приводит к фрагментации части мирового пространства и образованию «неудавшихся», стагнирующих или автаркических государств и депрессивных регионов, причем выход из этого состояния через стратегию догоняющего развития становится все более и более затруднительным.

2. Проблема «многослойности» пространства в современных международных отношениях и мировой политике

Современный мир в дискурсе международных исследований можно охарактеризовать как разноуровневую («многоэтажную») систему, состоящую из множества разновеликих акторов, взаимосвязей между ними и подсистем, организующих эти взаимосвязи, и одновременно как сложную систему, где взаимодействия элементов внутри структуры и вне ее, со средой системы, дифференцированы, функционально упорядочены, изменчивы и обладают пространственно-временным измерением.

Пространственное измерение в дискурсе международных исследований можно рассматривать как в теоретическом, так и в прикладном ракурсе. В теоретическом ракурсе пространственное измерение современного мира как системы не входит в предметное поле классических теоретических исследований в области международных отношений и мировой политики, а если и входит, то не является для них структурообразующим. То есть пространственное измерение как автономная категория обычно не является объектом изучения в международно-политических исследованиях классического типа в рамках ведущей англосаксонской традиции теории международных отношений. Связано это с тем, что пространственное измерение предстает в научном дискурсе международных исследований как свойство пространственности (территориальности), имманентное всем явлениям. Поэтому

получается парадокс: не являясь предметом изучения или не являясь структурообразующим понятием, пространственное измерение одновременно присуще любому международному исследованию в прикладном ракурсе в рамках предметного поля практически любой гуманитарной и социальной дисциплины.

Соответственно в англосаксонской традиции исследования мировой политики и международных отношений существует достаточно распространенная радикальная точка зрения об «исчезновении пространства» в «плоском» глобальном мире и об «освобождении» человечества от пространственной дифференциации (теория Т. Фридмана о «плоском мире»). Более «умеренные» исследователи-международники критически относятся к такому радикальному тезису, но также подчеркивают, что дифференциация пространства, включающая в себя такие категории, как «географическое положение», «географическая близость/удаленность», утрачивает свое значение по мере усиления процесса глобализации. Такая точка зрения не лишена серьезных оснований, если подразумевать под «пространством» все еще достаточно ограниченную урбанизированную часть современного мира, называемую постиндустриальной, или развитой, или же рассматривать эту часть и урбанизированные точки неурбанизированного пространства и ограничивать исследования, либо материал для построения теорий и концепций, только этой частью мира, считая, что она является основной, а «периферия» либо всегда останется периферией в силу централизованного характера мировой системы, либо будет постепенно преобразована и войдет составной частью в состав урбанизированного центра.

Однако наряду с «плоской» современной частью мира по-прежнему существует и традиционная часть — «сферическая», хотя благодаря глобализации «сферическая» часть мира достаточ-

но быстро, но неравномерно «уплощается». Жизнь наполнена контрастами между «плоской» и «сферической» частями мира (городские макроагломерации Нью-Йорка, Лондона, Токио, Нью-Дели, Мумбаи, Шанхая, Чунцина и их пригороды или/и места проживания племенных социальных организаций в Афганистане, Африке или Австралии и т.д.) и переход из одной части в другую сопряжен со сложностями. Перенесясь на скоростном транспорте (самолет, «синкансен»/TGV/«сапсан») со скоростью 300–900 км/ч в другую урбанизированную точку страны или мира, вы двигаетесь дальше с максимальной скоростью 5–90 км/ч, и это передвижение может быть ограничено или затруднено «географически». Мобильный телефон и Интернет сокращают расстояние и «уплощают» мир, но пока не могут перенести индивида физически в любую точку мира, а применение этих технологий также может ограничиваться. То есть в реальной жизни эти два типа пространства сосуществуют и даже как бы накладываются друг на друга, создавая единое и одновременно структурно дифференцированное «многослойное» пространственное поле международных отношений и мировой политики, хотя их соотношение и меняется не в пользу «сферического». В то же время, казалось бы, локальные проблемы, характерные для «сферической» части мирового пространства, могут выходить на глобальный уровень, хотя иногда и весьма причудливым образом (Таджикистан, Руанда и Дарфур, Синьцзян, Тибет, Чечня, пиратство у берегов Сомали, проблемы Афганистана и Ирака, экологические проблемы Китая для его соседей, несменяемость политических режимов в Тунисе и Египте и т.д.), создавая ложное представление о возможности окончательного «реванша» сферического мира. В частности, понятия обществ-конгломератов, «спаянных» из «традиционных» (сферический мир) и «современных» (плоский мир),

и «анклавного развития» (концепции Н.А. Симони, А.Д. Богатурова) основаны на идее сосуществования разных типов пространственно-временной организации.

Признавая существенные контрасты двух типов пространств, оптимисты (Т. Фридман и др.) делают предположение, что именно «плоский» мир является неизбежной перспективой развития мира «сферического». Такая постановка вопроса означает «трансформацию» и отрицание пространственности как фактора международных отношений и ограничивает его анализ в рамках встроенных в систему глобальной мировой политики политико-экономических концепций регионализации и регионализма как прежде всего и по большей части экономических процессов мирового хозяйства (интеграция/региональная интеграция/регионализм/регионализация). Ряд теоретиков-скептиков (к примеру, И. Валлерстайн, А. Франк, С. Сандерсон и др.), однако же, сомневаются в необратимости «сжатия» мира в одну-единственную «плоскость-пространство» и продолжают анализировать пространственные факторы в мировой политике как структурообразующие (теории центра/периферии, мир-систем, разнотипных цивилизаций). Именно структурное неравенство и функциональная дифференциация элементов мировой системы и взаимосвязей между ними, как считают представители второй точки зрения, являются залогом ее развития. Одновременно часть вполне «респектабельных» исследователей говорят о возможности концептуализации такой точки зрения вплоть до создания «незападной (точнее: незападноцентричной) теории международных отношений» (А. Ачирая, Б. Бузан и др.)².

Интересно, что проблематика синтеза этих подходов почти не разработана. Теории регионального уровня как бы восполняют «пробелы» в концепциях, основанных на превалировании «плоского мира», а в некоторых, самых

продвинутых из них, делается попытка представить «незападное» (незападноцентрическое) видение (т.е. видение не из центра мировой системы, видение как бы «с другого регионального полюса», с точки зрения логики другого регионального комплекса или «синтетическое», комплексное видение) всего мирового процесса. Соответственно, представители этих взглядов считают, что в исследованиях можно абстрагироваться от сохраняющегося деления мир, на «плоский» и «сферический», акцентировать внимание только на одном или только на другом объекте, но можно и рассматривать проблему, в частности, с точки зрения путей трансформации одного и другого объекта в новое качество каждого из них, как проблему «срачивания» в специфические конгломераты, либо «синтеза» в новое комплексное теоретическое видение. Такая постановка проблемы дает дополнительный импульс дискуссии о возможности построения «незападной теории международных отношений», основанной, в частности, на идее разного типа влияния различных сегментов регионального уровня на глобальный и анализа этого процесса с прикладной точки зрения.

Дифференциация пространства, внешней составляющей которой является контраст разных частей мира, не была бы актуальной в научных дискуссиях, если бы не находила отражение в краткосрочных и долгосрочных политических процессах, которые необходимо анализировать практикам международных отношений — дипломатам и политическим аналитикам. А таких практических задач становится все больше, к примеру: как оценивать подъем Китая и характер этого подъема, как анализировать подъем Азии, роль «новых поднимающихся государств» и последствия этого процесса для международных отношений, роль и перспективы стран БРИК, роль новых формальных и неформальных региональных образований и организаций,

которых насчитывается уже не один десяток, к примеру: ЕС, Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) и его подварианты (УНАСУР), Организация Исламская Конференция (ОИК), Лига арабских государств (ЛАГ), Арабский социально-экономический совет (АСЭС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Объединенный совет стран Персидского залива, Союз арабских стран Магриба, Арабский совет экономического сотрудничества, АСЕАН, Региональный форум АСЕАН (АРФ), БИМСТЕК (Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан, Мьянма, Таиланд), «Форум диалога Индия — Бразилия — ЮАР», ЕврАзЭС, Восточно-Азиатский саммит, Экономическое сотрудничество стран Тихоокеанского региона (АПЕС), Тихоокеанский экономический совет сотрудничества (РЕСС), Экономический совет тихоокеанских стран (РВЕС), Тихоокеанская торговля и сотрудничество (РАФТАД) Совет сотрудничества и защиты Азиатско-Тихоокеанского региона (РАФТАД), СНГ и др. Как спрогнозировать роль и значение политической составляющей экономических региональных процессов, роль и значение экономических импульсов для формирования политической составляющей региональных процессов и др. Как оценить конкурентоспособность различных моделей модернизации, политических систем и моделей политического развития, перспективы использования зарубежного политико-экономического опыта, последствия отставания и цену «прорыва» и т.д.

Ясно, что категория пространства не перестает влиять на международно- и внутривнутриполитические явления и трансформирует общие глобальные тенденции в специфические (региональные и локальные), т.е. в практически востребованную проблематику, которой необходимо

заниматься специалистам-практикам по безопасности, дипломатии, экономике и политике. Дифференциация пространства является реальным феноменом, а значит, анализ пространственного измерения может иметь и имеет существенное значение для прикладных, в том числе прогностических, исследований, которыми никто не собирается пренебрегать в реальной жизни.

Таким образом, глобализация, независимо от того, какое ей дается определение, идентифицируется через свойство пространственности, в частности, и через процесс регионализации в случае международных отношений. Эти понятия можно далее конкретизировать — определять применительно к каким-либо сферам (функциональным подсистемам): к политике, экономике, культуре, экологии. Глобализацию можно пробовать рассматривать комплексно, как явление существенно возросшей взаимозависимости между функциональными подсистемами. Но и тогда встает вопрос: взаимозависимости между чем? и насколько существенной взаимозависимости?

Как только заходит речь о «конкретной глобализации» — мнения начинают резко расходиться. Возникают вопросы не только о том, что в разных сферах (функциональных подсистемах) глобализация реализуется в разных формах, с разной интенсивностью и с различными последствиями, но и об историческом времени (происхождении и развитии) глобализации, ее идеологическом характере и т.п. В итоге представление о глобализации размывается настолько, что в научном дискурсе остается лишь консенсус относительно всеобщности/всеохватности/всемирности этого явления, а реально изучаются глобализирующиеся регионы (макрорегионы) и макрорегиональная проблематика.

В соответствии с этим взглядом, удачно сформулированном в литературе по международным отношениям Б. Бузаном и О. Вевером, глобализация

воспринимается как вызов или угроза, потому что она интерпретируется как синоним униполярности (unipolarity) и материализуется по-разному на локальном и региональном уровне. То есть «отторжение» глобализации происходит из-за недостаточно глубокого понимания этого процесса, неумения найти ее адекватную макрорегиональную форму, а также из-за того, что одна из региональных форм глобализации (ее американизированная и западноцентричная версия) выдается за ее единственную модель для подражания без учета региональной специфики. Б. Бузан и О. Вевер также считают, что большинство считающихся глобальными проблем (глобальное потепление, транснациональная преступность, международный терроризм) имеют региональную (географическую) природу, неразрывно связаны с территориальной (пространственной) динамикой, т.е. имеют «территориальную» базу.

С региональным уровнем концептуализации, т.е. с исследованием регионализации, ситуация на порядок сложнее из-за того, что регионализацию не обязательно можно понимать как противоположность глобализации, но регионализация может выступать и в форме противоположности глобализации, и усиливать фрагментацию мира. С другой стороны, регионализация оказывается несколько более определенным понятием, чем глобализация, поскольку ее «основным различием» является понятие региона, одного из таксонов иерархичной дифференциации пространства, в то же время само понятие региона — многозначно. Одновременно одно из определений региона подразумевает понимание его как географических и функциональных группировок государств и обществ, которые можно классифицировать по общим для них характеристикам и по общему для всех членов группировки способу взаимодействия с внешним для них миром.

Глобализация может быть осмыслена как процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий — измеряемую с помощью таких показателей, как их протяженность, интенсивность, скорость и взаимодействие, — порождающую межконтинентальные и межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти.

Регионализацией можно назвать объединение государств или обществ, связанных между собой функционально или географически, в единую группу, тогда как интернационализация относится к моделям взаимодействий и взаимосвязей между двумя или несколькими национальными государствами независимо от их географического положения.

(Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д.
Глобальные трансформации. М. : Праксис, 2004. С. 19).

Таким образом, можно определить глобализацию как возникновение новой системы мирового хозяйствования, заключающейся в слиянии национальных экономик в единую общемировую систему, основывающуюся на новой ступени либерализации движения товаров и капитала, новой информационной открытости мира, тех-

нологической революции, телекоммуникационном сближении стран и регионов, возникновении межнациональных социальных движений, интернационализации образования, что сопровождается стандартизацией процессов глобального управления, политических интересов, культуры и ценностей, информационных и коммуни-

кационных потоков и выражается в параллельно идущих процессах регионализации и фрагментации мира. При таком понимании глобализации **регионализация** предстанет как **объединение государств или обществ, связанных между собой функционально и/или географически.**

Определение понятия регионализации требует определить понятие **регионализма как взаимозависимости стран и выхода интересов национальных субъектов за их границы, но в национальных рамках,** либо («экономизированное» (определенное) как **формирование экономических сообществ близкорасположенных государств посредством торговых соглашений преференциального типа.**

Классификации и типологии представляют собой «горизонтальные» и «вертикальные» способы дифференциации пространства/территории соответственно по количественным и качественным критериям. Классификации (как условно «горизонтальный» способ классификации территории) и типологии (как условно «вертикальный» способ) в международных исследованиях преимущественно связаны с дифференциацией государств — основных субъектов международно-политического процесса — по пространственно-географическому/цивилизационно-географическому признаку или какому-либо критерию (к примеру, политическому, политико-экономическому, экономическому и др.): скажем, демократические государства с развитой рыночной экономической системой, новые индустриальные государства, сверхкрупные индустриальные государства с развивающимися или переходными экономиками, «неудавшиеся» государства (*failed states*), государства-изгои (*rogue states*) или же «вертикальные» группировки принадлежности к «первому», «второму», «третьему» миру/эшелону развития с различным содержанием каждой из этих категорий. Границы между категориями в таких классификациях и ти-

пологиях достаточно размыты и иногда, несмотря на наличие количественных характеристик, субъективны, хотя типологии, например, могут иметь в своей основе применение математических методов для анализа качественных критериев³. Как правило, в типологиях и классификациях наибольшее внимание уделяется географической/исторической близости или степени выраженности выбранного критерия в пределах существующих государственных границ. Среди очевидных примеров классификаций можно выделить дифференциацию государств (а также существующих внутри них политико-административных единиц) и международных регионов (по уровню экономического развития, к примеру, по ВВП на душу населения; в соответствии с уровнем политического развития, анализ которого основан на количественных и/или качественных характеристиках). Помимо типологий и классификаций государств можно выделить и типологии, связанные не только с основным критерием, но и с таксонированиями, прежде всего, основанные на использовании таксона «регион»⁴. Большое значение в международных отношениях приобрели и простейшие типологии, основанные на бинарных оппозициях — Запад/Восток⁵; Север/Юг; а также на триадах (Центр/Полупериферия/Периферия)⁶.

Проблема дифференциации пространственного измерения начинается с проблемы различения среды (окружающего мира) от социальной системы, т.е. физико-географического пространства от социальной системы в целом. При этом в каждом случае различения системы и окружающей среды накладываются друг на друга (перекрывают друг друга). Именно потому с каждым различением происходит редукция сложности, что требует рассмотрения пространственности не только в абстрактном (теоретическом) ракурсе, но и в конкретном — прикладном: нужно решать конкретный практический вопрос: как «чле-

нить» мировое пространство, ответ на который различается от точки пространства, в которой он ставится.

Если понимать систему международных отношений «по Луману»⁷ как одну из функциональных подсистем общей социальной системы, то исследование пространственного измерения может использоваться лишь в ракурсе понимания глобализации и регионализации как коммуникативных, соположенных, но в первую очередь функциональных, а не территориальных дифференциаций. Таким образом, исследование и описание пространственного измерения невозможно без временного измерения, а понятия глобализации и регионализации могут анализироваться как новые системные дифференциации, и соположенные, и противопоставляемые по отношению друг к другу и по отношению к дифференцируемому ими пространству.

Такое понимание роли пространства дает методологическую возможность ввести эту категорию как системообразующую и выделить региональный уровень международных отношений как относительно независимый для теоретико-практического анализа (региональные аспекты мировой политики) и как системообразующий (мировое комплексное регионоведение/зарубежное регионоведение, сравнительный макро-региональный анализ/кроссрегиональный политический анализ, политическая регионалистика, региональная политология, политическая география) и говорить о регионализации как относительно самостоятельном явлении, соположенном и одновременно противопоставленном глобализации.

3. Макрорегионализация и практика мирополитического взаимодействия

Регионализация в ее современном виде является относительно новым феноменом. Не случайно до сих пор четко не разработаны критерии и параметры понятия «регион» и существует бесчис-

ленное множество вариантов прикладной классификации регионального членения мира. Это касается как масштабов регионов, так и принадлежности конкретных стран к тому или иному географическому/политическому/цивилизационному региону.

Понятие «регион» достаточно многозначно. *Во-первых*, данный термин может относиться как к внутристрановому делению пространства (административно-юридическоепониманиерегиона, частично синонимичное понятию «район»)⁸, так и к делению мирового пространства (внешнеполитическое, или международно-политическое понимание региона)⁹. *Во-вторых*, регион может определяться по группе признаков¹⁰ либо по базовой функции, которая является основной для того или иного исследования (географические, экономические, геополитические, социокультурные регионы)¹¹. Следовательно, региональное деление как «средство отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений»¹², как правило, будет зависеть от поставленных исследовательских задач и будет носить характер социального конструкта¹³.

Как аналитический конструкт региональное деление мира обладает также особенностями образной репрезентации: регион может представлять собой политико-географический образ определенной территории и тем самым демонстрировать характерные черты и закономерности ее развития¹⁴. В отечественной науке анализ специфики регионального уровня с точки зрения системного подхода выразился в идее **международно-политического региона**, который рассматривался как «относительно самостоятельная подсистема межгосударственных отношений, объединенных прежде всего общностью определенных, присущих именно данному региону политических проблем и соответствующих им отношений»¹⁵. Это определение основано, в свою очередь,

на определении **политического регионализма** как взаимоотношений географической группы смежных национальных государств, которые обладают рядом общих характерных черт, высоким уровнем взаимодействия и институализированной кооперацией, осуществляемой посредством формальной многосторонней структуры (определение Д. Хэлда, Д. Гольдблатта, Э. Макгрю, Д. Перратона).

Попытки аналитически выделить отдельные региональные пространства/регионы/региональные подсистемы имели несколько оснований. *Во-первых*, представлялось очевидным, что анализ целого ряда международных процессов с точки зрения основной конфликтной оси биполярности не дает полного представления о них, а сами эти процессы либо генерируются отнюдь не взаимодействием супердержав, либо имеют к этому взаимодействию лишь опосредованное отношение. В связи с этим была предложена модель (О. Янг) анализа международной политики, в рамках которой задачей исследователя было определить, какой из факторов, соответствия (*congruence*) или разрыва (*discontinuity*) глобального и регионального, доминировал в том или ином вопросе. *Во-вторых*, анализ взаимосвязей в рамках того или иного региона позволял расширить рамки классического страноведения (*area studies*) и получить более широкие возможности для сравнительного анализа, в том числе межрегионального, уже в рамках международных отношений, мировой политики, мирового комплексного регионоведения/зарубежного регионоведения (*global/world comprehensive regional studies*), сравнительного макрорегионального политического анализа/кросс-регионального политического анализа. *В-третьих*, анализ соотношения глобального, регионального и национально-локального уровня давал новые возможности для рассмотрения той или иной проблемы в рамках международной системы.

Регионализация подразумевает самую тесную политическую, экономическую и культурологическую взаимозависимость соседних стран. Под термином «**регионализация**» в литературе и жизни в действительности понимаются три различных по содержанию явления:

— **возрождение/подъем региональных держав** (неформализованное понимание регионализации в мировой политике);

— **формирование региональных интеграционных группировок, в том числе и преференциального типа** (классическое политико-экономическое определение регионализации);

— **политическую основу, мотивы, импульсы и движущие силы регионализма и/или регионализации** в первом и втором значении этого понятия (формирующееся направление в международной политике, экономической политологии, комплексном регионоведении).

Таким образом, понятия регионализма и регионализации могут выступать в качестве синонимов, подчеркивая взаимозависимость стран и выход ряда страновых проблем за рамки национальных государств, но на региональном уровне, а могут — в качестве разных, лишь частично совпадающих понятий (в частности, в экономической и международно-политической области). В этом случае международный регионализм («макрорегионализм» или «мини-глобализация») выступает в качестве реализации национальных интересов на новом, более высоком, чем локальный или страновой уровень, но в региональных рамках.

В биполярный период региональные державы появлялись, в первую очередь, в тех районах, где существовала конфликтная взаимозависимость и крайне медленно происходила интеграция (Восточная Азия). Противоположная картина наблюдалась в регионах, где комплементарная взаимозависимость значительно перевешивала конфликтную. Здесь начались активные интеграционные процессы (Европа), в основе которых лежали:

1) рост экономической взаимозависимости и сближение экономических интересов;

2) наличие общего внешнеполитического противника;

3) отсутствие явного доминирующего центра, либо доминирующее «ядро», состоящее из двух-трех государств.

После краха социалистической системы противостояние двух региональных процессов стало не столь очевидным.

Таким образом, глобализация и регионализация являются взаимосвязанными, взаимодополняющими друг друга и в то же время в определенной степени противоречащими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Процессы глобализации вызываются, прежде всего, неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций, и именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран. Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам отдельных стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным и т.п. При этом существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как конечную цель на данном историческом отрезке, т.е. при определенных условиях она может стать и препятствием на пути дальнейшего развития глобализации.

Промежуточным, а поэтому весьма вероятным вариантом глобализации является стяжение «старых» регионов в макрорегиональные комплексы (макрорегионализация), начальным этапом которого является региональная интеграция, прежде всего — экономическая, а потом и политическая (в разных формах, различного характера и в различной степени). Подобный процесс дает возможность различным странам:

— участвовать в глобализации в щадящем варианте, не испытывая давления со стороны всей мировой экономики;

— резко подтягивать менее развитые государства макрорегиона, предоставляя им преференции и инвестируя в их экономику;

— улучшать позиции бизнеса более развитых стран, получающего расширение географической зоны действий в льготном варианте;

— укреплять геополитические позиции, поскольку масштабы рынков становятся намного крупнее, и интеграционная группировка способна гораздо лучше коллективно защищать своих членов от иностранной конкуренции.

По существу, с учетом теории регионального уровня можно считать, что макрорегиональный комплекс (а не отдельное государство по версии одного из классических и до сих пор наиболее влиятельных подходов в теории международных отношений — реализма) представляет собой прообраз одного из центров формирующейся полицентричной мировой системы. По данному пути уже пошла Европа, создав Европейский Союз, и частично США, создав группировку НАФТА. Такой же путь пытается нащупать Китай, формируя так называемый «Большой Китай» на основе массовой эмиграции и нового качества экономико-политической зависимости «периферийного пространства» от «новой метрополии» (современная китайская концепция *Тянься/Поднебесной*) и пытаясь стать единственным государством-лидером в Восточной Азии. По всей видимости, в связи с мировой дискуссией о подъеме Восточной Азии будет правомерно говорить о формировании макрорегиона или макрорегионального комплекса «Большая Восточная Азия» (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия), прежде всего, с экономи-

ческой и культурно-цивилизационной точки зрения. В этом же ключе происходят дискуссии о «возрождении» СНГ, структурировании Центрально-Восточной Евразии и т.д.

Позитивными факторами, способствующими образованию макрорегионов, являются:

1) полная или частичная экономическая взаимодополняемость в макрорегионе, когда комплементарная взаимозависимость в целом перевешивает конфликтную, т.е. если в регионе существует экономическая взаимозависимость и взаимодополняемость и происходит существенное сближение экономических интересов;

2) начало и развитие интеграционных экономических процессов, когда доля торгового оборота стран друг с другом приближается к половине общего торгового оборота. Все региональные организации (от формата «АСЕАН плюс» до Восточноазиатского сообщества) ставят своей целью постепенное снижение тарифов во внутрирегиональной торговле и снятие ограничений на импорт — вплоть до образования зоны свободной торговли (НАФТА и ЕС давно сформировали единые рынки);

3) движение в сторону валютно-финансовой интеграции (у НАФТА в качестве таковой выступает мировая валюта доллар), ЕС ввел единую региональную валюту — евро, обсуждался и вопрос о единой азиатской валюте на базе йены или юаня, но он не перешел в практическую плоскость как недостаточно созревший);

4) новые формы кооперации;

5) выступление крупных или крупнейших государств макрорегиона за расширение экономического сотрудничества в рамках макрорегиона (МЕРКОСУР, БРИК, ССАГПЗ, ШОС, АСЕАН+ и т.д.);

6) определенная культурно-цивилизационная близость стран региона и их отличие от других макрорегионов. Циви-

лизационное поле, на котором осуществляется социально-экономическое развитие в разных регионах, обширно — от индивидуализма, основы западного общества, до коллективизма, свойственного традиционному восточному обществу, с существованием огромного количества промежуточных вариантов;

7) в макрорегионе появилось теоретическое обоснование специфики развития государств макрорегиона как целого (у ЕС есть единая экономическая политика, общее понимание основ внутренней политики, и формируется единая внешняя и оборонная политика);

8) началось формирование региональной идентичности (европейцы ее давно сформировали, в других макрорегионах она находится на разных стадиях формирования).

4. Связь между теоретическими и практическими аспектами региональных трансформаций

Прямая связь между глобальными проблемами международных отношений и новыми тенденциями, обусловленными трансформационными региональными процессами (изменение военно-политической силы, экономической мощи, конфессиональные конфликты и проецирование политического, цивилизационного и конфессионального влияния), которые в значительной степени влияют, а в отдельных случаях могут и переформатировать глобальный уровень отношений, очевидна. Поэтому в современном мире регион может стать проводником наднациональной идентичности и интеграционной политики, или же национальной (националистической) политики и дезинтеграционной политики и антиглобалистских решений, т.е. регион может возникнуть как особая пространственно-временная конструкция в определенной ипостаси мирового порядка, а варианты обоснования регионального пространства (в том числе геополитические, геоэкономические и

этноконфессиональные) содержатся в концепциях суверенитета, безопасности, усилении или ослаблении этнического начала, проповедовании или низвержении религиозной исключительности. Содержание и направленность эволюции этих понятий сегодня оживленно (а иногда и ожесточенно) дискутируется в мировой науке о международных отношениях.

Регион как фрагмент глобального социума обладает способностью интегрировать, разграничивать, распределять, организовывать и трансформировать, т.е. наполнять абстракцию глобальной взаимозависимости реальным содержанием. Таким образом, взаимодействие макрорегионов Восточной Азии, Америк и Европы поддерживает наличие глобального уровня, однако этот же процесс ясно указывает на утрату отдельными субъектами международных отношений монопольной функции в формировании мирового порядка. Это и предопределило политический интерес как к территориям, так и к пространственным связям, концептуализированным в различных проектах локальности, национального суверенитета, наднациональности.

Повышение степени изменчивости макрорегионального (а следовательно, и мирового) политико-географического пространства привело к тому, что это пространство меняется в мире в целом (меняется его конфигурация — степень «искривленности» — в связи с расширением «плоского» мира и уплотнением «сферического»), и в границах макрорегионов, в частности (гомогенизация регионального пространства внутри макрорегионов). Изменение регионального геополитического и геоэкономического пространства связано с трансформацией глобального лидерства и вызванных этим процессов новых региональных трансформаций. Одновременно направленность и содержание региональных трансформаций может как способствовать угасанию старого ми-

рового лидера («закат Европы», «закат Запада») и появлению нового (за последние сто лет предлагались разные «претенденты»: СССР, Германия, Япония, Китай), так и обратному процессу «переформатирования» прежнего глобального лидерства и наполнению его новым содержанием («структурное лидерство», дискуссия о «старом вине в новой бочке», реинтерпретации «западных ценностей»). Новое макрорегиональное пространство сегодня детерминировано скорее геополитическими, цивилизационными, культурными, этноконфессиональными и этнополитическими параметрами, которые не всегда имеют непосредственное сопряжение с физико-географическими границами государств, а не экономическими, географическими или физическими границами, как это было в XIX или XX в. То есть географические и физические границы становятся относительными, экономическое пространство стремительно гомогенизируется, политическое — как бы «уплощается» (уменьшается количество конкурентоспособных политических систем), а геополитической, цивилизационной, культурной, этноконфессиональной и этнополитической гомогенизации не происходит, либо дифференциация макрорегионов даже увеличивается. К тому же дифференциация определяется другими закономерностями, которые нуждаются в дальнейшей концептуализации и исследовании.

Таким образом, понятие физических и политических границ в настоящих условиях приобретает оттенок относительности, хотя эти границы и продолжают существовать, а между некоторыми геополитическими ареалами (к примеру, между западным и незападным миром) они даже ужесточились в связи с этнополитическими, этноконфессиональными, цивилизационными различиями или конфликтами. Отсюда следует задача дальнейшего «стирания» физических и политических границ как в пределах

макрорегионов, так и между макрорегионами, что уменьшает «кривизну» мирового пространства и увеличивает сегменты «плоского» мира, а значит, повышает степень глобализации в целом (к примеру, проблема отмены виз между Россией и ЕС), или возведение новых границ (визовые режимы, плата за визу, специальные паспорта, правила, ужесточение иммиграционного законодательства, бюрократические препоны и др.), гарантирующих «нужную» степень «кривизны» мирового пространства в соответствии с внутренними запросами как «плоской», так и «сферической» части мира.

Одновременно появились и новые («не прямые», «мягкие» и т.д.) формы контроля над территориями и воздействия на пространственные ареалы «через» или минуя государственные границы. При этом, безусловно, возросла взаимозависимость государств и регионов, а экономическая мощь и экономические взаимосвязи (экономическая интеграция) стали играть самодавлеющую роль, а не только как основа военной мощи. Таким образом, глобализация, во всяком случае, в той форме, в которой она проходила на протяжении конца XX — начала XIX в., все же пока не смогла полностью снивелировать значение этноконфессиональных и культурно-цивилизационных факторов внутри и между макрорегионами, хотя общая степень гомогенизации мирового пространства в целом все же значительно увеличилась.

Важно понимать, что сегодня изменились критерии, по которым оценивается мощь государства, изменилась структура политической силы, но понятия границ и суверенитета не исчезли, как это предсказывалось некоторыми аналитиками (к примеру, ранним Ф. Фукуямой, констатирующим «конец истории»), а трансформировались в новое, еще мало исследованное качество. Регионализация с этой точки зрения в ряде случаев выступила как форма защиты

трансформированного национального суверенитета. Таким образом, мировой процесс остается субъектным, мировое пространство — дробным, а иногда и фрагментированным, т.е. пока оно не полностью гомогенно, хотя общая степень его глобальности, особенно экономической, и повышается. В этой связи регионализация может означать и, соответственно, интерпретироваться, как мы уже отмечали выше, как процесс дифференциации мира, а может как процесс гомогенизации регионального уровня, за которым следует новый этап глобализации.

Если анализировать связь новых соотношений с традиционными географическими и политико-географическими регионами, то необходимо отметить увеличивающуюся географическую размытость последних. Следовательно, многоформатность и взаимосвязанность проблематики международных и региональных отношений в новых геополитических и геоэкономических условиях требуют анализировать тенденции развития регионов вместе с «сопряженными» территориями и во взаимосвязи с новой, более сложной и рафинированной системой геоэкономических, этноконфессиональных, ценностно-цивилизационных и других факторов, одновременно в сопряжении с глобальным уровнем отношений. Отсюда появление новых геоэкономических и геополитических концепций, типа «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», «Большая Восточная Азия», «Большой Китай» и дискуссий о пределах расширения ЕС, «сферах ответственности» ЕС, НАТО и др.

Таким образом, процессы, которые сегодня происходят в одном государстве, косвенно связаны с проблематикой макрорегионального развития, а потом уже с глобальной проблематикой, а регионально-географические, геочивилизационные и этноконфессиональные факторы в этой «сопряженности» про-

должают играть очень важную, а в некоторых случаях и главенствующую роль, несмотря на процессы экономической и политической глобализации.

5. Проблема практического макрорегионального/регионального членения мирового пространства

Пространственное (спатильное или плоскостное) членение мира в международных отношениях, теоретически обобщенное в предыдущих разделах, исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития стран, т.е. из определения международно-политического макрорегиона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональной совокупности явлений, объединенных общей структурой и логикой, таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными.

Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного/зарубежного комплексного регионоведения (*global/world/comprehensive regional studies*) и одновременно вспомогательного в международных отношениях позволяет расположить материал в определенной пространственной (спатильной/плоскостной) системе координат.

Если исходить главным образом из географических параметров, то можно выделять географические макрорегионы, мезорегионы (средние регионы), а также отдельные регионы и субрегионы, основываясь на их физико-географических характеристиках. Так, мы выделяем мировые континенты: Америку (Северную и Южную), Африку, Евразию, Австралию, Антарктиду, — подразделяя их, в свою очередь, на субконтиненты (Европа, Азия) и более мелкие таксономические единицы (географические регионы и субрегионы): Северную, Центральную и Южную Америку, Северную, Центральную, Западную, Восточную и Южную Африку, Северную, Центральную, Западную, Восточную и Южную Европу, Северную, Центральную, Восточную, Юго-Восточную, Южную, Юго-Западную и Западную Азию.

Определение: *Под регионом в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию.*

Определение: *Международно-политический регион — привязанная к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональная совокупность явлений, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными.*

Исходя из историко-культурных параметров, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), индийский (Индия, Непал, Бутан, Шри-Ланка), индо-иранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский, российский (Россия, Украина, Белоруссия или, в другой интерпретации, страны СНГ), европейский (состоящий из тринадцати стран). Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство. К культурно-религиозным макрорегионам обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западно-христианский и др.

Геополитические параметры позволяют разделить зарубежную Азию на Центральную, Южную, Юго-Восточную и Восточную (или Дальний Восток), Ближний Восток и Средний Восток. При этом нередко возникает проблема «пограничных» государств, не принадлежащих в полной мере ни одному региону или принадлежащих сразу нескольким геополитическим регионам. Так, некоторые исследователи полагают, что Афганистан принадлежит не Средневосточному, а Южноазиатскому региону, поскольку эта страна входит в число государств Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК). В соответствии с той же логикой сочетания исторических и геоэкономических параметров десять стран, образующих Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппи-

ны, — относят к Юговосточноазиатскому региону, при этом исключая из него «пограничные» государства Папуа — Новую Гвинею и Тимор-Леште. Другие считают, что логика политического развития позволяет отнести страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому, а при характеристике политического развития Монголии, относящейся географически к Центральной Азии, с точки зрения цивилизационной специфики целесообразнее рассматривать ее вместе с государствами Восточной Азии.

В рамках системного подхода к международным отношениям была предусмотрена возможность рассмотрения частей системы как подсистем, в том числе региональных подсистем, обладающих собственными закономерностями международного взаимодействия. Исследовательские взгляды на функционирование **региональных подсистем** представлены следующими подходами:

1) параметры международной политической динамики едины для всего мира, региональные подсистемы формируют международное взаимодействие более низкого уровня, однако идентичное по своим характеристикам глобальной системе;

2) регионы уникальны, изучение параметров функционирования одной региональной подсистемы может иметь ограниченное значение для понимания функционирования других региональных подсистем;

3) регионы рассматриваются как отдельный уровень анализа, понимание структуры и особенностей функционирования одной региональной подсистемы может помочь в понимании других регионов, даже если процессы, происходящие в их рамках, принимают различные формы¹⁶.

Соответственно этим рассуждениям, по-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о *панамериканской (межа-*

американской), европейской, африканской, азиатской региональных подсистемах международно-политических отношений и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах, а также и о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-политических регионах) — западноевропейской и восточноевропейской как частях европейской подсистемы (причем

специфика этих субрегиональных подсистем стирается на наших глазах), североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской) подсистемы, ближне- и средневосточной, центральноазиатской, южноазиатской, юговосточноазиатской, восточноазиатской как частях азиатской (или, в ряде случаев, азиатско-тихоокеанской) подсистемы международных отношений и т.д.

Определение: Региональная подсистема МО — это совокупность специфических политико-экономических, культурно-цивилизационных, историко-социальных и социокультурных взаимодействий в пространственном кластере системы МО. То есть региональная подсистема МО — это совокупность специфических взаимодействий подсистемного типа, в основе которых лежит общая регионально-географическая, социально-историческая и политико-экономическая принадлежность.

Ясно, что отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности, и/или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой, т.е. возможно и правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые исторические регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные геоэкономические черты. Эти перекрещивающиеся принципы цивилизационно-пространственного членения, позволяющие выделять «базовые» или «структурообразующие» регионы, и послужили основой определения наиболее важных международно-политических макрорегионов. В рамках границ этих макрорегионов имеет смысл проводить

параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Такие сопоставления могут послужить основой и для более широких кросс-региональных сравнительных моделей универсального характера. Одновременно они являются основой традиционного практического историко-дипломатического и структурного политико-экономического анализа и используются МИДами разных стран в своей организационной деятельности.

Кроме цивилизационно-пространственной (спатальной/плоскостной), существует, как мы отмечали выше, и возможность содержательной (аналитической) группировки стран (классификация versus типология). Она так же, в принципе, конвенциональна и субъективна, как и использованная нами спатально-плоскостная. Однако аналитическая модель при этом не позволяет акцентировать внимание на общности исторического/цивилизационного/политического развития стран региона, т.е. не позволяет в полной мере осмысливать цивилизационную общность и одновременно специ-

фику политических процессов конкретных стран в рамках региона. Кроме того, при всей своей аналитической красоте такие типологии иногда плохо применимы при практической подготовке регионального/странового специалиста, так как позволяют хорошо ориентироваться в общих закономерностях, к примеру, политических систем государств кочевого типа, но при этом в реальной жизни государства такого типа (скажем, Монголия и некоторые государства Аравийского полуострова) отстоят друг от друга настолько далеко географически, лингвистически и цивилизационно, что полученные «общие знания» не могут быть применены в реальной жизни, а значит, их практическая значимость может быть поставлена под сомнение. Другой пример противопоставления двух принципов иллюстрируется дискуссией об универсальности/уникальности принципов демократии (дискуссия о экстралиберальной, либеральной, нелиберальной, незападной демократии). Спациальный принцип подачи содержательного материала позволяет проследить региональную динамику международно-политического развития, судьбу местных и импортированных политических институтов, появление возможных «политических разломов» и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные (исторические) корни и сходные принципы формирования и эволюции политической культуры, сходные формы реакции на явления международной жизни. Такой методологический подход более практикоориентирован и, в некотором смысле, конечно же, более утилитарен, но в реальной политической жизни и при проведении прикладного международно-политического анализа нередко дает достаточно весомые и реалистические с точки зрения применения в жизни результаты. В то же время и в аналитических моделях есть свои сильные стороны, они позволяют вычленять общие черты, увидеть закономерности, нередко скрывающиеся пространственными или «страновыми» характеристиками, поэтому

продуктивной представляется разработка комплексных спациально-аналитических принципов дифференциации, позволяющих сочетать элементы пространственного анализа (классификации) с аналитическими принципами построения типологий.

6. Эволюция концепции регионализации и динамика трансформации региональных комплексов

Как мы уже отмечали выше, понятие «глобального», призванное обозначить некие общие политические, экономические и социально-культурные процессы, отнюдь не обязательно является отражением мира как целого. То есть глобальность не обязательно является синонимом мироцелостности (М. Чешков). Как раз наоборот, в таком случае из рассмотрения оказываются исключенными целые части и регионы земного шара, а «глобальное» представляет собой скорее не отражение целого, а оппозицию «региональному», «национальному» или «локальному». Учитывая отмеченные особенности глобального уровня современной системы, следует понимать, что он представляет собой достаточно высокую степень обобщения и не дает понимания специфических региональных особенностей проявления явлений.

Отметим, что в международных исследованиях попытки создания теоретической концепции промежуточного (регионального) уровня между уровнем международной системы (глобальный уровень) и национального государства (национально-локальный уровень) предпринимались еще с 1960-х гг. В качестве примеров можно привести концепцию «политических разрывов» (*political discontinuities*) О. Янга, концепцию международных регионов Б. Рассета, идею о существовании региональной «подчиненной системы» (*subordinate system*) С. Кантори и Л. Шпигеля, концепцию выделения региональных подсистем (*subsystems*) М. Бричера и концептуальные построения ряда других исследователей.

На протяжении достаточно долгого времени взаимосвязь между процессами регионализации и проблемами безопасности фиксировалась преимущественно в отношении традиционных, военно-стратегических угроз или в рамках анализа региональных проекций биполярности, т.е. исключала экономическую проблематику и изучалась в рамках не международных отношений, а мировой экономики. Необходимость компенсировать ограниченность глобальных и частных подходов к новым региональным процессам стимулировала развитие исследовательской мысли в направлении создания концепции регионального уровня с учетом новых комплексных параметров.

Еще в конце 1980-х гг. британский исследователь Б. Бузан отметил тенденцию к проявлению в рамках региональных пространствах проблем безопасности и связанных с ними политико-экономических процессов, которые вели к формированию «региональных комплексов безопасности» (*regional security complexes, RSCs*), т.е. групп государств, чьи первичные интересы безопасности тесно связаны друг с другом в настолько значительной степени, что их национальная безопасность не может рассматриваться в отрыве друг от друга», а Э. Лейк и П. Морган попытались применить идею о региональных комплексах безопасности к анализу постбиполярных международных отношений, однако сконцентрировали внимание на вопросах регионального порядка, под которым понимали модель управления конфликтом в рамках регионального комплекса безопасности.

В свою очередь, Б. Бузан и О. Вевер предложили свой вариант применения концепта регионального комплекса безопасности как практической проблемы макрорегионализации в рамках всей международной системы, при этом понимая, что в новых условиях уже нельзя ограничиться рассмотрением исключительно военно-стратегических вопросов, предполагая, что такого рода анализ может послужить дальнейшей основой для дальнейших теоретических концептуализаций регионального уровня международных отношений. В то же время Б. Бузан и О. Вевер не стали формулировать расширительное понятие регионального комплекса, понимая дуалистичность процесса регионализации как соположенного и одновременно противопоставленного глобализации. В связи с этим региональный комплекс (в интерпретации Бузана и Вевера — региональные комплексы безопасности) формулировался как группа единиц, чьи основные дискурсивные процессы, в рамках которых политическое сообщество формирует представление о том или ином факторе как о существенной угрозе или, наоборот, понижает значимость угрозы (секьюритизация и десекьюритизация), или оба эти процесса настолько связаны между собой, что проблемы безопасности данных единиц не могут быть адекватно проанализированы или решены в отрыве друг от друга. Региональный комплекс при таком понимании фактически представляет собой встроенную в политико-экономическую структуру макрорегиона комплексно структурированную проблематику безопасности и развития¹⁷.

Определение: Секьюритизация — дискурсивный процесс, в рамках которого политическое сообщество формирует представление о том или ином факторе как о значимой угрозе и выражает призыв к принятию срочных и исключительных мер по противодействию данной угрозе.

Десекьюритизация — дискурсивный процесс, в рамках которого политическое сообщество понижает значимость угрозы или прекращает рассматривать что-либо в качестве существенной угрозы.

Результатом исследования регионального измерения проблем безопасности стала общая концепция **региональных комплексов безопасности**, нацеленная на то, чтобы объединить достоинства неореалистического, глобального и постмодернистского направлений в международных отношениях и вместе с тем предложить достаточно операциональную теорию регионального уровня.

Б. Бузан и О. Вевер вслед за рядом исследователей отмечали, что после окончания холодной войны процессы регионального уровня проявляются гораздо более отчетливо, что дает достаточные основания для их самостоятельного теоретического анализа на новой стадии обобщения. Причинами **усиления региональной динамики** конфликтности или сотрудничества стали:

1) снижение вмешательства глобальных держав в процессы, протекающие в других частях мира;

2) переход многих великих держав в «легковесную» категорию (*lite powers*), что означало существенное ограничение их намерений быть вовлеченными во внешние военные конфликты.

Как уже отмечалось, процессы глобального и регионального уровня стали разделяться исследователями (к примеру, такими как Б. Бузан и О. Вевер, А.Д. Воскресенский, Параг Ханна, Ян Цзэмянь, Шри Н.С. Сисодиа, Арвинд Гупта) за счет определения различных категорий ведущих акторов, доминирующих на том или ином уровне (супердержавы, государства-доминанты, великие державы, государства-лидеры, региональные державы, государства первого и второго и др. эшелонов), и механизмов их взаимодействия, а также путем анализа региональной динамики проблем безопасности в рамках региональных комплексов.

Великие державы (в другой терминологии — государства-лидеры), в отличие от сверхдержав и/или государств-доминантов, не обязательно обладают исключительными возможностями во

всех сферах международной деятельности, однако их отличает то, что их экономические, военные и политические возможности вполне достаточны для того, чтобы в краткосрочной или среднесрочной перспективе попытаться претендовать на статус супердержавы/государства-доминанта или пытаться форматировать или переформатировать мировой порядок¹⁸. Великие державы активно вовлечены в процесс формулирования повестки дня безопасности и могут действовать в нескольких регионах мира, при этом являясь региональными лидерами по крайней мере в одном регионе, т.е. они активно участвуют в форматировании макрорегионального уровня. Различие терминологии связано с различным пониманием и различными градациями этой категории у разных исследователей в разных странах (китайцы употребляют термин «великие» (досл. *даго* — «большие») государства, который используется некоторыми российскими исследователями по аналогии с англоязычным термином *the great powers*, который используется американцами и англичанами, в свою очередь выделяющими *the great powers* — «старые великие державы, т.е. страны Запада (США, Францию, Германию, Японию, Великобританию) — и *aspiring powers* — новые «великие» («поднимающиеся») державы, стремящиеся изменить статус-кво в международной системе: Китай, Россия, Индия, Иран, Бразилия. Подъем великих держав (иногда также используется термин «великие региональные державы», «новые великие державы» или «сверхкрупные страны»/«новые сверхкрупные индустриальные державы») происходит либо за счет того, что какие-то страны в силу определенных политических и экономических причин повышают свой статус в международной иерархии, либо за счет упадка бывших сверхдержав.

Региональные державы обладают значительными возможностями действовать в пределах своих регионов, опреде-

ляют параметры региональной полярности, однако, как правило, не выходят на глобальный уровень и не могут успешно действовать в нескольких регионах, хотя иногда пытаются, даже довольно успешно, это делать (к примеру, война Великобритании с Аргентиной за Фолклендские острова).

Базовой посылкой концепции Б. Бузана и О. Вевера является утверждение, что комплексы безопасности — это макрорегионы, рассматриваемые в качестве таковых в первую очередь с точки зрения проблем безопасности, однако в то же время понятие регионального комплекса не может быть применено к любой группе государств: для того, чтобы представлять собой региональный комплекс безопасности, группа государств должна обладать высокой степенью взаимозависимости структурно-пространственного характера в области безопасности, которая отграничивала бы ее от других регионов. Понятие регионального комплекса безопасности, с одной стороны, за счет фокусирования внимания на аспектах безопасности аналитически оказывается уже, чем понятие региональной подсистемы, а с другой стороны, может рассматриваться как элемент региональной подсистемы.

Таким образом, становится ясна взаимосвязь и иерархия понятий «региональный комплекс безопасности», «региональный комплекс», «региональная

подсистема», «региональный порядок», «регион». Понятие регионального комплекса в его экономической ипостаси обозначается разными этапами/формами «зрелости» региональной интеграции (зоны свободной торговли, таможенный союз, платежный союз, общий рынок, экономический и валютный союз, военно-политический и экономический союз), а в ипостаси безопасности связано с понятием регионального комплекса безопасности: Бузан и Вевер выделяют следующие типы региональных комплексов безопасности: «перекрываемые» (*overlaid*), «неструктурированные» (*unstructured*), «незрелые», т.е. «предшествующие комплексу» (*pre-complex*), «протокомплекс» (*proto-complex*) и собственно комплекс безопасности (*security complex*). Понятие региональной подсистемы шире понятия регионального комплекса, одновременно оно является «плоскостным» понятием, а региональный комплекс — «объемным» (т.е. оно уже, но комплексно и многомерно). Понятие региональной подсистемы акцентирует внимание прежде всего на макрорегионе как субъекте международных отношений вообще, а региональный комплекс может являться асимметричной частью, центром (стержнем) региональной подсистемы, а может полностью совпадать с ней. При этом для всех понятий базовым для выделения является понятие «региона».

Определение: *Региональный комплекс* — группа государств, обладающая достаточно высокой степенью функциональной и географической комплексной взаимозависимости, отграничивающей ее от других регионов и определяющей тип регионального комплекса. То есть региональный комплекс — это многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера разного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде.

Понятие регионального комплекса аналитически уже, чем понятие региональной подсистемы, с другой стороны, может рассматриваться как элемент региональной подсистемы.

Определение: Региональный порядок — это способ организации внутренней структуры региональной подсистемы или регионального комплекса.

Узловые проблемы, формирующие комплекс, обуславливаются тем, что теория региональных комплексов, несмотря на широкое понимание безопасности, в значительной степени концентрирует основное внимание на межгосударственных отношениях дружбы — вражды и рассматривает стандартную форму регионального комплекса безопасности как модель соперничества, баланса сил или союза в рамках региона с возможным влиянием внешних держав. Идею (конструктивистское) измерение регионального комплекса основывается на исследованиях А. Вендта и предполагает определение и анализ тех моделей (вражды, соперничества, дружбы), которые доминируют в социальной структуре регионального комплекса. Согласно логике концепции региональных комплексов безопасности, данный аспект существенно дополняет понимание региональной ситуации, поскольку анализ одного лишь распределения мощи не является достаточным: факторы исторической вражды или дружбы приобретают существенное значение в рамках общего понимания тех идейных процессов, которые формируют региональный комплекс, поскольку именно они могут рассматриваться как изначально присущие региону, а не привнесенные с уровня международной системы.

Региональные комплексы безопасности рассматриваются как взаимоисключающие пространства. В то же время великие державы (государства-лидеры) и особенно глобальные державы (супердержавы и государства-доминанты) об-

ладают существенными возможностями оказывать влияние на ситуацию в региональных комплексах и даже в предельном выражении определять динамику их безопасности, подменяя региональные и локальные процессы (к примеру, в период холодной войны). С другой стороны, существуют также «буферные» пространства/государства (*insulators*), которые «изолируют» динамику процессов, происходящих в сопредельных региональных комплексах.

Концепция Б. Бузана и О. Вевера предусматривает три возможных варианта эволюции региональных комплексов: сохранение существующего положения, внутренняя трансформация и внешняя трансформация комплекса. Внутренняя трансформация подразумевает изменения в структуре комплекса, модели его полярности, либо в доминирующих в рамках комплекса отношениях дружбы/вражды. В свою очередь, внешняя трансформация может происходить в форме слияния или раскола существующих региональных комплексов.

Таким образом, концепцию региональных комплексов и таких его видов, как региональные комплексы безопасности, все еще отличает преимущественно неореалистический подход к территориальности, которая рассматривается в связке с проблемами безопасности, и конструктивистское понимание безопасности, поскольку основной акцент в рамках регионального комплекса делается на том, какое значение тому или иному явлению придается участниками регионального комплекса без-

опасности с точки зрения безопасности. Следовательно, при традиционном государственно-центричном понимании регионального комплекса все негосударственные акторы, экономические и транснациональные процессы оказываются, по сути, исключенными из повестки дня, а при преимущественно экономическом его понимании проблематика безопасности, особенно традиционной безопасности, и политической специфики протекания мировых процессов, как правило, исключается из повестки дня. Эта методологическая проблема объективно усложняет процесс построения междисциплинарной многомерной теории макрорегиональных комплексов.

В настоящее время становится понятно, что концепция Б. Бузана и О. Вевера не отражает всей совокупности формирующих регион процессов безопасности, возникших в контексте трансформации мировой системы, в частности, минимизирует влияние экономических и новых политических процессов и не учитывает «новые вызовы» и «новые угрозы». Следовательно, возникает потребность в ее переосмыслении. Один из подобных примеров — попытка корейских исследователей Джонг Юн Ба и Чунг Ин Муна переформулировать традиционную концепцию региональных комплексов безопасности за счет выделения новых параметров¹⁹. Первый параметр касается определения характера базовых элементов региональных комплексов безопасности: с традиционной точки зрения такими элементами являются государства, однако в современных условиях при активизации деятельности таких негосударственных акторов, как ТНК, террористические и преступные группировки, группы гражданского общества, позиции государства в межрегиональном взаимодействии были существенно ограничены. Второй параметр касается модели взаимосвязи элементов, которая может быть анархической, гегемонистской (или централизованной, в другой терминологии), иерархической, моделью баланса сил или децентрализованного порядка. Третий параметр — функциональное измерение регионального комплекса, связанное с пониманием характера безопасности. Джонг Юн Ба и Чунг Ин Мун отмечают, что военная безопасность в современном мире является лишь одним из аспектов регионального комплекса безопасности и необходимо учитывать изменения в повестке дня безопасности за счет включения экономической, социальной, экологической и других областей. Четвертый параметр связан с комплексом представлений, норм, идей, образов исторической памяти, которые определяют поведение участников регионального комплекса в области безопасности. И наконец, пятый параметр относится к механизмам урегулирования проблем безопасности в рамках регионального комплекса, которые условно можно разделить на реалистические (союзы, концерт держав, проецирование мощи державы-доминанта) и либеральные (многосторонние режимы регионального сотрудничества, системы коллективной безопасности)²⁰.

Заключение

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что существующие в настоящее время в мировом исследовательском сообществе концепции и параметры регионального уровня, международно-политического региона, региональных подсистем, региональных комплексов дискуссионны. В ходе этих дискуссий разрабатываются новые теоретические положения и теории регионального уровня, в которых объективно в связи с реформатированием глобального уровня (подъем Азии, подъем не-Запада (*the rise of the rest*, по выражению декана факультета публичной политики Сингапурского университета К. Махбубани), значительную роль призваны играть «незападные» (точнее, незападноцентричные) подходы и западные теории меж-

дународных отношений. Именно эти дискуссии определяют будущее идейно-теоретических основ мирового порядка второй половины XXI в. Такая постановка вопроса объясняется следующими практическими соображениями²¹:

Происходит трансформация Вестфальской системы: изменившаяся система генерирует новые типы вызовов и угроз, которые по-другому воздействуют на государство — не уничтожают его, а подвергают эрозии некоторые из традиционных параметров и/или трансформируют в новое качество. Рассмотрение данных процессов только с точки зрения того, придают или нет субъекты международной системы значение глобальным процессам как существенным, по видимому, не является достаточным.

Становятся более выпуклыми проблемы трансформации суверенитета, которые в региональном плане усугубляются еще и тем, что после распада колониальной системы западная идея суверенного государства была привнесена извне в незападный мир в глобальных масштабах и не везде адекватно соответствовала местной специфике. В сложившейся ситуации оказалось, что незападные страны с формальной точки зрения обладают международно-правовым суверенитетом, однако многие из них свою территорию могут контролировать лишь частично либо вообще не обладают полноценным контролем над территорией. В то же время меняющееся содержание суверенитета требует перехода от тотального контроля всех параметров к вычлениению и обеспечению ключевых контролируемых параметров, что государства со слабыми институтами и системой закрытого/полузакрытого социального доступа не способны обеспечить.

Не учитывается транснациональная составляющая мировых процессов, которая охватывает не только одно государство, но и региональные группы государств и отдельные части государств. Не учитывается также явное противо-

речие между логикой сохраняющегося пока еще деления мира на суверенные государства и транснациональным характером глобализации. К примеру, при анализе процессов, происходящих в Африке и Латинской Америке, следует принимать во внимание также деятельность негосударственных акторов, а также комплекс вызовов и угроз, источником которых не является государство в прямом смысле слова (к примеру, террористические группировки, наркокартели). Предложенный в традиционных концепциях региональных комплексов безопасности (концепция «новых центров силы», «новых великих держав») взгляд на государство не дает полного понимания контекста транснациональности.

Одна из аналитических проблем концепции региональных комплексов связана с достаточно жесткой фиксацией их границ. Как удачно отметил американский исследователь А. Дирлик, любое критическое в интеллектуальном и политическом плане понятие «пространства» должно признавать и некое понятие «границ», при этом проницаемость границ не означает их полного устранения. В то же время проблематика «нового качества» границ (концепции «проницаемости границы», границы как зоны сотрудничества, границы как зоны экономического взаимопроникновения и взаимодействия, трансграничных процессов, границ «трансформеров») трудно концептуализируется и встраивается в традиционные (т.е. основанные прежде всего на реалистических представлениях) теории международных отношений.

В мире явственно происходят процессы «теневой интеграции» регионов — «стягивания» за счет нетрадиционных/неформальных/неформализованных угроз и других типов угроз, а также региональные трансформации и более широкие и глубокие тенденции (макрорегионализация). Современные исследователи (к примеру, уже упоминаемые нами Б. Бузан и О. Вевер) предусматривают

возможность трансформации регионального комплекса. В то же время механизм подобной трансформации пока не совсем ясен (соответственно, трудно выработать практические рекомендации), и, кроме того, в расчет не принимаются внутренние процессы, которые зачастую становятся причинами появления и распространения новых «внешних» для других участников процессов и трендов (к примеру, нетрадиционных угроз безопасности), а также такие проблемы, которые оказываются шире по территориальному охвату, нежели национальное государство, либо группа государств.

В условиях слабой практической применимости и малой практической отдачи концепций моноцивилизационного/моноконфессионального национализма для формирования конструктивных внешних политик поликонфессиональных и полиэтнических государств («осажденная крепость» не может развиваться, а может только защищаться и нападать), а также невозможности на их основе бесконфликтно конструировать единую (общую) идентичность поликонфессионального и полиэтнического государства, дальнейшая теоретическая и практическая концептуализация процессов регионализации может позволить разрабатывать прикладные теории конкурентной национальной модели регионального и национального развития, основанные на максимизации кооперативистского начала в стратегии национальной модернизации и развития при адекватной защите национальных интересов.

Необходимо отметить появление целого ряда операциональных концепций, которые фиксируют отдельные макрорегиональные изменения, в том числе связанные с процессами в области экономики и безопасности. В качестве примеров следует привести концепцию мезо- и мегарайонов (японский исследователь О. Йеда), а также концепцию Центрально-Восточной Азии (российский политолог А.Д. Богатуров).

Концепция О. Йеды характеризует региональные трансформации как процесс зарождения и изменения положения мезорайонов в рамках более крупных региональных образований (мегарайонов). Региональная трансформация возможна в том случае, когда мегарайон уже не генерирует центростремительные импульсы, необходимые для поддержания целостности своей территории, что может совпасть с влиянием внешних факторов (в качестве таковых можно отметить процессы политической и экономической интеграции в соседнем регионе, культурное и/или экономическое влияние, процессы глобализации). Сформировавшийся в рамках мегарайона мезорайон характеризуется параметрами региональной интеграции, институциональной идентичности, самоидентичности и внешней идентичности. Процесс региональных трансформаций О. Йеда рассматривает на примере пространства, входившего ранее в состав Советского Союза, а ныне претерпевающего выделение из некогда единого мегарегиона трех самостоятельных мезорайонов: Восточно-Европейского, переходящего к Западной Европе, Центрально-Азиатского, тяготеющего к Южной Евразии, а также Дальневосточного и Сибирского, который в перспективе может включиться в состав мегарегиона Восточной Азии.

Другой подход к оценке процессов региональных трансформаций был предложен выдающимся отечественным исследователем А.Д. Богатуровым, высказавшим идею о формировании пространства Центрально-Восточной Азии, которая в военно-политическом и политическом отношении включает в себя как зоны прибрежной и островной Тихоокеанской Азии, так и глубинные материковые пространства внутреннего Китая и сибирских регионов России с выходом к восточным степным и горным массивам Казахстана, Киргизии и таджикского Памира. Одним из факторов формирования данного пространства яв-

ляется наличие общих угроз безопасности (экстремизм, наркотрафик, энергетические проблемы).

И наконец, необходимо выделить более широкий комплекс отечественных исследований и концепций, посвященных тенденциям макрорегионализации (А.Д. Воскресенский, С.И. Лунев) на материале Европы (В.Г. Барановский, О.В. Буторина, М.В. Стрежнева, Ю.В. Шишков и др.) и Восточной Азии (В.Я. Белокреницкий, А.Д. Воскресенский, В.В. Михеев, Г.И. Чуфрин и др.), происходящих под влиянием целого ряда факторов (регионального и глобального лидерства, «старых» и «новых» проблем безопасности, трансформации политических систем). Концепция макрорегионализации как нового тренда мировой политики как бы «вбирает» в себя более операциональные концепции ме-

га- и мезорегионов и идею «стягивания» регионов. Эти новые теории регионального уровня международных отношений должны стать прообразом оригинальных отечественных конкретных исследований регионального и странового характера, основанных на более высоком уровне теоретической концептуализации регионального уровня и, соответственно, приводящих к более глубоким и оригинальным выводам прикладного характера, особенно в тех частях мира (не-Запад), которые традиционно плохо прорабатываются западными исследователями, теоретиками и практиками. Они, видимо, окажут существенное влияние на концептуализацию внешних политик великих и великих региональных держав, а также на выработку новых практических концепций внешних политик, соответствующих реалиям XXI в.

- ¹ При участии С.И. Лунева, Е.В. Колдуновой и Е.А. Проница.
- ² Non-Western International Relations Theory / Ed. by A. Acharya, B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010.
- ³ К примеру, Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М. : Изд-во «МГИМО-Университет», 2007.
- ⁴ Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007. С. 29–37; Он же. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // Восток — Запад — Россия : сборник статей. М. : Прогресс-Традиция, 2002. С. 139–143; Доклад о мировом развитии. 2009. Новый взгляд на экономическую географию / пер. с англ. М. : Издательство «Весь мир», 2009. С. 36; Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение : учебник. М. : Гардарики, 2003. С. 147–166.
- ⁵ Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007.
- ⁶ Wallerstein I. The Modern World System. Vol. 1 N.Y.: Academic Press, 1974. P. 347–357.
- ⁷ Глобализация и регионализация / Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. М. : Издательство «Логос», 2006. С. 239–245.
- ⁸ Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М. : Просвещение, 2004. С. 596; Дергачев В., Вардомский Л. Регионоведение. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 10.
- ⁹ Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М. : Просвещение, 2004. С. 596; Система, структура и процесс развития международных отношений / под ред. В. Гантмана. М. : Наука, 1984. С. 363.
- ¹⁰ К примеру, ландшафтный регион, в выделении которого сочетаются несколько факторов: климатический, гидрографический, почвенный и т.д.
- ¹¹ Мир политической науки. Кн. 1. Категории. М. : Просвещение, 2004. С. 596; Дергачев В., Вардомский Л. Указ. соч. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 11–12.
- ¹² Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение. М. : Гардарики, 2002. С. 22.
- ¹³ Die Region als soziale Konstruktion / Spindler M. Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen Konomie. Wiesbaden: VS Verlag, 2005. P. 100.
- ¹⁴ Подробнее о структуре политико-географических образов см.: Замятин Д. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М. : Аграф, 2004. С. 83–91.
- ¹⁵ Система, структура и процесс развития международных отношений / под ред. В. Гантмана. М. : Наука, 1984. С. 363. См. в этой связи расширительную трактовку международно-политического

региона: Воскресенский А.Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры Востока. М. : Восток-Запад, 2006. С. 7.

¹⁶ Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М. : Навона, 2010. С. 71.

¹⁷ Подробнее см.: Колдунова Е.В. Указ. соч. С. 73–76.

¹⁸ Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М. : Ленанд, 2006. С. 20; «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 17.

¹⁹ Jong-Yun Bae, Chung-in Moon. Unraveling the Northeast Asian Regional Complex: Old Patterns and New Insights // The Korean Journal of Defense Analysis. 2005. Vol. XVII, No. 2. P. 7–34.

²⁰ Колдунова Е.В. Указ. соч. С. 81–82.

²¹ Подробнее см.: Колдунова Е.В. Указ. соч. С. 83–88.